

<sup>9</sup> Маркс К. Экономико-философские рукописи 1844 года. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 1.

<sup>10</sup> Маркс К. Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1, с. 7—8.

<sup>11</sup> Ленин В. И. Конспект «Науки логики». — Полн. собр. соч., т. 29, 176—177.

Г. ГУМНИЦКИЙ

## ПРОБЛЕМА СПЕЦИФИКИ МОРАЛЬНОЙ ЦЕЛИ И КАНТОВСКОЕ УЧЕНИЕ О СООТНОШЕНИИ МОРАЛИ И СЧАСТЬЯ

В настоящей статье мы ставим своей задачей выяснить, можно ли специфической целью морали считать обеспечение гармонии между личностью и обществом, личными и общественными интересами. Как увидим, этот вопрос теснейшим образом связан с вопросом о соотношении морали и счастья, в решение которого И. Кант внес существенный вклад.

В нашей этической литературе долгое время господствовало понимание, согласно которому основной целью морали является подчинение личного общественному. Сравнительно недавно это понимание стало подвергаться критике. Некоторые авторы предложили отказаться от положения о подчинении личных интересов общественным, считая, что оно низводит личность до роли «винтика», противоречит гуманистическому взгляду на человека, и заменить его положением о гармонии. Можно ли согласиться с этой точкой зрения? Выражает ли понятие гармонии специфическую цель морали, выполняемую ею социальную функцию?

Проблема сочетания личного и общественного, несомненно, является основной проблемой, решаемой моралью как формой общественного сознания. Цель морали — согласовать поведение личности с интересами общественного целого (класса — в классовом обществе) и таким образом обеспечить равновесное, гармоническое состояние системы «личность — общество». В этом аспекте мораль выступает в качестве средства осуществления гармонии личности и общества, личного и общественного. В конечном счете мораль служит достижению блага личности, ее счастья, а гармония личных и общественных интересов — существенное условие достижения подлинного счастья. Эта гармония является также моральной целью. Однако это не означает, что она является для морали ее специфической, присущей только ей целью, что в этой цели выражена специфика социальной функции, выполняемой моралью. Стремление к счастью, которое не тождественно со стремлением к моральной цели, также, как только что отмечалось, включает в себя стремление к гармонии личного и общественного.

Наконец, еще одна форма выражения гармонии личного и общественного — это гармония *между* моралью и счастьем. Моральная удовлетворенность входит в содержание счастья, и поэтому счастье и мораль не могут быть противопоставлены друг другу.

Однако в определенном отношении моральное требование противостоит счастью, и в этом отношении они могут рассматриваться как внешние противоположности, что не исключает признания их внутреннего единства в другом отношении.

В нашу задачу не входит определение понятия счастья. Отметим лишь те его моменты, которые имеют прямое отношение к теме. Счастье — целостная интегральная форма человеческой удовлетворенности, определенным образом обобщающая удовлетворение отдельных потребностей. Оно включает два момента: объективное удовлетворение потребностей, создающее состояние удовлетворенности, и ощущение этого состояния. Ко второму моменту можно в некоторой степени отнести и осознание счастья. Последнее не всегда осознается, но, видимо, не имеет смысла говорить о счастье как только об объективном состоянии, не получающем выражения в ощущении. В полном смысле счастье — это состояние личности. Конечно, принято говорить об удовлетворении потребностей общества, о счастье народа и т. п., но в конечном счете в своей полной реальности счастье всегда выступает в качестве состояния отдельного индивида.

Часть потребностей индивида имеет узколичностный характер (их удовлетворение непосредственно приносит благо только данному субъекту), другая же их часть совпадает с потребностями общества (их удовлетворение тождественно удовлетворению общественных потребностей). Например, насыщаясь, человек удовлетворяет лишь свою потребность в пище (хотя и это может быть связано с удовлетворением потребности общества — в реализации продукции пищевой промышленности), удовлетворяя же свою потребность в определенном виде общественной деятельности, индивид тем самым удовлетворяет потребность других людей, общества в продуктах этой деятельности. Однако счастье — это всегда удовлетворение собственной потребности индивида и радость, которую он при этом сам переживает, хотя бы эта радость была вызвана удовлетворением потребности другого или той радостью, которую тот испытывает. Последний случай, конечно, свидетельствующий о глубоком единстве личного и общественного, говорит лишь о том, что удовлетворение потребности другого индивида тоже может быть потребностью человека. Итак, как бы счастье личности ни вбирало в себя счастье других лиц, коллектива, общества, оно базируется на удовлетворении ее собственных потребностей. Поэтому достижение счастья есть самоутверждение личности и ее самоудовлетворение.

Моральная потребность индивида является весьма своеобразной и отличается от всех других его потребностей тем, что, она может, как и любая другая, не только вступать в противоречие с теми или иными его потребностями, но и требовать при определенных условиях его полного самоотрицания, самопожертвования. Мораль направлена на обеспечение интереса, общего для данного члена общности (общества, группы, в классовом обществе — класса) с другими ее членами, но в крайней ситуации для утверждения этого общественного интереса человек, с точки зрения мора-

ли, должен пожертвовать всеми своими интересами, самой жизнью. Именно в такой ситуации с наибольшей ясностью выражается своеобразие моральной потребности — побуждать к действию на благо других, даже если это противоречит стремлению к личному счастью и может привести к полному отказу от последнего.

Деятельность индивида направлена на достижение двух, находящихся в единстве, но полностью не совпадающих целей. — его собственного, индивидуального, блага и блага общности. Личное счастье, как бы социально наполнено оно ни было, все же остается личным благом. Мораль же в первую очередь представляет благо общественное. Поскольку личное и общее благо вступают в противоречие, отношение между моралью и счастьем оказывается отношением внешних противоположностей. В той мере, в какой стремление индивида к личному счастью и его же стремление к моральной цели расходятся между собой, приобретает смысл вопрос о сочетании этих стремлений и самих целей, на которые они направлены, о гармонии морали и счастья.

Каждая из двух целей является частичной, и лишь их объединение образует полную цель, полное благо, к которому стремится человек.

Достижение полной цели есть установление гармонии между ее элементами (моралью и счастьем) и внутри каждого из них. При этом достигается относительное тождество как между ними, так и каждого из них с их единством (полным благом). Мораль — это система общественных требований, счастье — система личных удовлетворенностей, полное благо — единство того и другого. Мораль признает правомерным и стремление к личному счастью, поскольку оно не нарушает общественных интересов. В этом отношении содержание морали совпадает с полным благом. Подлинное счастье включает в себя достижение как индивидуального благополучия, так и моральной удовлетворенности, то есть соответствует требованиям морали и совпадает с полным благом. Значит ли это, что категория полного блага (полной цели) является излишней?

В домарксистской этике наиболее глубоко проблему соотношения морали и счастья поставил И. Кант. Он подверг обоснованной критике две противоположные формы их отождествления, имевшие место в истории этики, — эвдемонизм и стоицизм. Как показал Кант в «Критике практического разума», эпикуреизм (эвдемонизм) единственной целью считает счастье, рассматривая мораль лишь в качестве средства его достижения, тогда как стоицизм, наоборот, единственной целью считает добродетель (соответствие морали), счастье же рассматривает как «сознание обладания этой добродетелью» (4(I), 442—443). Кант «разводит» мораль и счастье, вскрывает их нетождественность и ставит проблему их взаимоотношения. Тем самым он делает серьезный шаг вперед в истории этики. Рассматривая эту проблему, он выдвигает категорию полного блага, благодаря чему придает значительно более развитой характер идущему еще из древней этики понятию высшего блага. Уже Аристотель отметил двойственное содержание

понятия высшего блага, отдавая в нем приоритет благу государства. Кант, по существу, предложил то же решение проблемы, но придал ему более четкую форму. Понятию высшего блага он предпочел понятие полного блага. Но не отвергая целиком первого понятия, он ввел для обозначения места морального компонента в системе полного блага понятие верховного блага (4(I), 441—442).

Кант внес ценный вклад в постановку и решение проблемы соотношения морали и счастья, однако в целом его подход к ней имеет не научно-материалистический, а религиозно-мистический характер. Во-первых, различие между моралью и счастьем он доводит до абсолюта, усматривая их основания в двух разных мирах. Он пытается доказать, что моральное удовлетворение не имеет никакого отношения к счастью. Правда, в этом вопросе он проявляет логическую непоследовательность, признавая, что честный человек не может быть счастливым, не сознавая своей честности (4(I), 447). Во-вторых же, возможность разрешения противоречия между моралью и счастьем, достижения гармонии между ними и, следовательно, осуществления полного блага он видит лишь в потустороннем мире.

В учении Канта категория полного блага уместна, но правомерна ли она в марксистской этике, имеет ли она рациональный смысл? Абсолютно противопоставляя мораль и счастье как якобы принадлежащие к двум различным мирам, Кант в метафизически преувеличенной форме выразил, однако, действительно существующие между ними различия, при определенных условиях переходящие в противоречия. Кант утверждал, что стремление к полному счастью не может вести к добродетели, а стремление к добродетели не может вести к счастью (4(I), 445). В потребностях и склонностях, полное удовлетворение которых составляет счастье, считал он, человек ощущает противовес всем велениям долга (4(I), 241). Эти положения верны лишь относительно, безусловно, в определенных отношениях верны им обратные. Стремление к счастью может быть реализовано только в обществе, поэтому, поскольку и когда общественные условия благоприятствуют достижению счастья, постольку и тогда необходимость их соблюдения воспринимается как нечто естественное и выражается в форме добродетели. В этом отношении стремление к счастью, вопреки Канту, ведет к добродетели. В этом же смысле потребности и склонности согласуются с велениями долга. Например, трудолюбие, склонность к творческой деятельности очень хорошо согласуются с долгом трудиться на благо социализма. В наших условиях и добродетель, нравственная позиция, является необходимым условием достижения подлинного счастья.

Кант жил в таких исторических условиях, когда на первый план выдвигался конфликт между моралью и счастьем. Этот конфликт в конечном счете и определил его взгляд на проблему их соотношения. Но ясно, что кантовское решение этой проблемы не дает истинного понимания ее общей сути, и неверность этого решения бросается в глаза, если попытаться приложить его к усло-

виям социализма, в которых осуществляется все более полное сочетание морали и счастья, а на высшем этапе развития, с переходом к коммунизму, — их гармоническое единство.

Однако нельзя себе представить таких условий, при которых вообще не действовала бы тенденция расхождения между моралью и счастьем, не возникали бы между ними более или менее острые противоречия. Даже гармония морали и счастья в условиях коммунизма не означает полного исчезновения противоречий. Конечно, следует отметить, что в этом отношении существует коренное отличие между классовым и бесклассовым обществами. В основанных на частной собственности, антагонистических, классовых обществах имеет место широко социальный конфликт между стремлением трудящихся масс к счастью и предписаниями господствующей морали. Революционная мораль дает счастье борьбы, но в условиях этой борьбы являются недостижимыми многие личные аспекты счастья. В этих обществах само счастье раздваивается, становится неполным, односторонним. Это счастье от сознания добродетели — счастье стойков, но стать на этот путь могли лишь немногие, а значительные массы — лишь в моменты революционных выступлений, — или счастье, понимаемое как наслаждение жизнью, лишенной нравственной устремленности, которую, правда, в некоторых случаях пытались направить на путь добродетели, совместить с ее принципами. Эта тенденция получила отражение в эвдемонизме. Таковы, конечно, наиболее отчетливо проявившиеся, крайние формы. При социализме все более полное сочетание морали и счастья становится господствующей тенденцией, законом жизни большинства членов общества. При коммунизме это сочетание освободится от противоречий, свойственных социализму (хотя это не значит, что оно полностью лишится всяких противоречий), и приобретет гармонический характер. О гармонии правомерно говорить как об общем характере взаимоотношений личности и общества в условиях коммунизма. Но и там при определенных обстоятельствах будут неизбежно возникать ситуации, требующие от личности той или иной степени самоотверженности, а подчас и жертвования самой жизнью во имя спасения другого человека или решения какой-либо ответственной задачи. Такие случаи будут исключительными, но общество должно будет в каждом своем члене формировать способность и готовность выполнить общественный долг даже ценой своей жизни, а значит и счастья. Следовательно, проблема соотношения морали и счастья и в будущем обществе сохранит свое определенное значение. Это — всеобщая человеческая проблема.

Подвигу, самоотверженности всегда было, есть и будет место в жизни. На вопрос об отношении подвига к счастью нельзя дать однозначного ответа. С одной стороны, он дает величайшее моральное удовлетворение, а поэтому — и частицу высшего счастья. С другой стороны, если он наносит серьезный ущерб здоровью или связан с жертвованием жизнью, то он лишает человека значительной доли или всего счастья. И поэтому мораль и счастье оказываются в отношении взаимоисключения. «Если страдания

и смерть в тяжелых обстоятельствах и были свободно избраны героем, это не означает, что они включались им в «проект счастья»... Хотя героическая личность черпает моральную удовлетворенность в сознании исполненного долга и терзалась бы мучительными угрызениями совести, если смалодушничала бы в обстоятельствах, которые требовали самопожертвования, хотя она познала «счастье битвы», ее гибель представляет собой несчастье», — пишет Ю. В. Согомонов («Марксистская этика». М., 1976, с. 176—177).

Следовательно, понятие полного блага имеет рациональный смысл, выражая собой гармоническое единство морали и счастья, не всегда возможное, но составляющее самое совершенное благо, к какому только может стремиться человек. Действительно, в случае расхождения морали и счастья, когда моральное стремление не обеспечивает счастья и даже уничтожает его, а стремление к счастью, если его не подчинить требованиям морали, ведет к их нарушению, становится очевидным, что ни одно из этих стремлений не определяет вне связи с другим человеческой деятельности. Только счастье и моральная цель в их взаимодействии составляют полную цель этой деятельности, причем в рамках этой цели взаимоотношение морали и счастья представляется как их гармония.

Итак, в понятии полного блага выражен идеал гармонии морали и счастья, иначе говоря, идеал гармонии личного и общественного, интересов личности и общества. Очевидно, что моральная цель не тождественна полной цели, а поэтому должна выражать нечто иное. Конечно, мораль причастна к гармонии личного и общественного, но если эта гармония является целью сочетания морали и счастья, то, поскольку часть не равна целому, данная цель не может быть специфической целью морали.

Мораль в конечном счете служит утверждению гармонии личного и общественного. Непосредственно же она является определенного рода способом преодоления отклонений от этой гармонии. Действие морали начинается там, где есть возможность, тенденция расхождений между личными и общественными интересами, где возникает необходимость преодоления соответствующих противоречий. Каким же способом мораль разрешает эти противоречия?

Действительно, формула подчинения личного общественному упрощенно характеризует этот способ. Но заменить ее формулой «гармонизации» интересов личности и общества или «наполнения» личных интересов общественным содержанием, значит обойти самую суть дела.

Прежде всего очевидно из самой внешней формы функционирования морали, что задача, которую она решает, состоит в подчинении действий отдельных лиц общим интересам. Эти интересы потому и возможно зафиксировать в форме общезначимых (для данного общества, класса или всего человечества) норм, что они являются общими интересами. Однако это не означает, что к ним относятся только интересы общности как целого. Такое понимание всегда давало и до сих пор дает основание для критики

в принципе единственно перспективного истолкования морали, которое выводит ее из общего интереса. К общим интересам надо относить и такие индивидуальные интересы, которые общи всем членам общности (или их определенным группам) и при этом в данных общественных условиях являются социально нормальными, не вступают в конфликт с интересами общности как целого. Это, например, интересы уважения человеческого достоинства каждого члена социалистического общества, удовлетворения его законных, зафиксированных в нашей Конституции прав на труд, на охрану здоровья, на материальное обеспечение в старости, на жилище и т. д. Поскольку общество должно согласовывать свои мероприятия и действия своих представителей с этими интересами, мораль отражает необходимость такого согласования, и в этом смысле ее задачей является взаимосогласование, взаимоподчинение личного и общественного. Однако и в этом случае наиболее важным и характерным для морали является подчинение личностью своих действий требованиям соответствующих норм. При совершении таких действий нередко имеет место не подчинение личного общественному, а их совпадение, гармония. Например, глубоко нравственной позицией врача является в том случае, если помощь больному для него — не только требование профессионального долга, но и органическое личностное влечение (точка зрения Канта по этому вопросу, как известно, была прямо противоположной). Подчинение должно иметь место там, где личное расходится с общественным, не гармонирует, не совпадает с ним. Но это как раз наиболее специфичный для моральной регуляции случай.

Мораль как особая форма регуляции актуализируется и проявляется во всей своей специфичности тогда, когда моральное требование (которое может выступить в единстве с совпадающей с ним склонностью) направляется против противодействующей ему индивидуалистической тенденции поведения, вызванной соответствующим интересом, и стремится подчинить ее себе, преодолеть ее противоморальное действие и таким путем согласовать личное с общественным, подчинить поведение личности общественно положительным целям.

При ближайшем рассмотрении мы обнаруживаем, что полюсами подчинения одного другому оказываются не личное и общественное, а выражаемое в моральных нормах общественно ценное, включающее в свое содержание гармонически сочетаемое общественное и личное, с одной стороны, и противодействующее ему индивидуальное.

Мораль включает в себя еще один момент гармонии личного и общественного: их совпадение в моральном мотиве. Сущность этого мотива состоит в отношении к общественно ценному как к высшей личностной цели. Для него прежде всего характерно, что личное по своему содержанию оказывается тождественным общественному, гармонически с ним совпадает. Но дело здесь не сводится к гармонии. Для морального мотива наиболее специфично то, что он выступает в качестве высшего по сравнению с эго-

истическим, противодействующим общественно ценному. В подчинении, подавлении эгоистического и заключается специфическая цель (функция) морали.

Мораль направлена на гармонизацию личного и общественно-го, но в этом положении еще не раскрывается специфика морали. Этой гармонизации могут способствовать и другие средства, например, материальное стимулирование труда, дальнейшая демократизация общественной жизни и т. д. Мораль решает эту задачу своим особым способом.

Ее своеобразие состоит в том, что для нее эта гармонизация является внутренне, субъективно исходным пунктом, а внешне, объективно конечным результатом, причем достигаемым в общем итоге, но отнюдь не всегда в каждом индивидуальном случае. В центре морали, взятой в ее индивидуальном действии, находится подчинение эгоистического общественной норме и направленному на ее утверждение моральному мотиву. В «средних» обстоятельствах при этом, как правило (в условиях социализма), достигается гармония личного и общественного, реализуется полная цель. В крайних же, наиболее трудных случаях личное приносится в жертву общественному, полная цель, гармония личного и общественного не достигаются.

Таким образом, моральная цель не тождественна идеалу гармонии личного и общественного, хотя и находится с ним в связи и включает его в качестве своего момента.

В. А. БЛЮМКИН

## УЧЕНИЕ КАНТА О ДОБРОДЕТЕЛЯХ И ПОРОКАХ

За период почти двухсотлетнего существования этики немецкого мыслителя внимание ее сторонников и противников было сосредоточено на анализе основных идей Канта, нашедших свое концентрированное выражение в учении о моральном законе, категорическом императиве. Эту тенденцию можно обнаружить и в современном кантоведении<sup>1</sup>, причем в целом она, несомненно, оправдана, ибо позволяет вычленил то новое и наиболее важное, что внес в этику Кант, поставив вопросы о сущности, структуре, и специфике морального сознания. Однако нельзя не видеть того, что интерес к проблематике человеческой свободы, категорического императива, морального долга ослаблял внимание к некоторым другим важным сторонам кантовской этики. Одной из таких сторон как раз и является учение о добродетелях и пороках.

История этики свидетельствует о том, что вопрос о добродетелях и пороках представляет собой не только одну из самых старых, но и одну из центральных этических проблем. В ее исследовании исторически сложилось разграничение смысла следующих пар понятий: добродетель и порок, добродетели и пороки. В первом случае речь идет, как правило, о характеристике морального облика личности в целом, об ее моральности или аморальности;